

Сергеем Михайловичем опубликовано более 90 научных работ, причем наиболее значительные из них приходится на последние годы. Поэтому без преувеличения можно сказать, что он скончался в самом расцвете своей научной деятельности.

Коллеги Сергея Михайловича Александрова навсегда сохраняют о нем светлую память.

*Лаборатория геоморфологии ИГ РАН,
Редколлегия журнала "Геоморфология",
Геоморфологическая комиссия РАН*

Олег Константинович Чедия

(1923–1998)

Ушел из жизни Олег Константинович Чедия. Еще в феврале 1998 г. мы видели его, как обычно бодрого и энергичного, на Всесоюзном тектоническом совещании в Москве, а в августе пришла скорбная весть. Казалось, ничто его не берет: ни фронтовые раны, ни возраст, ни повторявшиеся проблемы с сердцем. Выходец из семьи военного, он всегда был подтянут, бодр, улыбчив, с ясным взглядом, с шуткой на устах, подчас соленой. Не казался бодрым, но был. Ясное понимание того, к чему стремиться, мобилизация творческих сил, огромная работоспособность, исследовательский дух – это черты Олега Константиновича, не только врожденные, но и воспитанные в себе.

Всю свою жизнь геолог О.К. Чедия был связан с горами Средней Азии. Он любил горы. Потребность жить и работать в горах всю жизнь оставалась для него внутренней радостной необходимостью, источником духовного равновесия и воодушевления. Будучи отменным водителем, он тем не менее предпочитал маршруты конные. Подбор коня в начале экспедиции был для него делом особо важным: весь сезон он проводил в седле. Поэтому и мог забираться в такие ущелья, куда геологам "колесного", да и вертолетного века попадать не удавалось.

За свою долгую, едва ли не 50-летнюю жизнь полевого геолога, проводившего в горах по несколько месяцев ежегодно, Олег Константинович прошел пешком и верхом, наверное, не меньше сотни тысяч километров, не считая маршрутов "колесных". И каких маршрутов! Представить и оценить это может лишь тот, кто сам работал, а не только экскурсировал в горах Памира и Тянь-Шаня. О.К. Чедия знал Памир и Тянь-Шань так, как, пожалуй, никто другой во второй половине нашего века.

Пройдя прекрасную школу знатока Центральной Азии полевого геолога Василия Михайловича Синицына, воспитанный Ленинградским университетом (что с неизменным пиететом и благодарностью Олег Константинович всегда подчеркивал), он был одинаково силен в геоморфологическом и в геологическом картировании и в постановке острых проблем геологического развития и отдельных участков, и позднее – региона в целом. Начав в послевоенные годы с изучения ледников Туркестанского хребта, он затем надолго сосредоточивается на исследовании горных систем Дарваза и Памира. И здесь диапазон его интересов простирается от вопросов современного оледенения до шарьяжной тектоники и других проблем четвертичной геологии. Одним из важнейших направлений этих работ было изучение переуглубленных долин Дарваза, позволившее объяснить сложную систему строения аллювия в горных реках восточного Таджикистана. О.К. Чедия – один из создателей стратиграфии четвертичных отложений Памира. Заметную роль сыграл ученый в разработке региональной схемы четвертичных отложений Средней Азии, утвержденной специальной конференцией в начале 60-х годов.

С 50-х годов главным направлением его исследований стала неотектоника, опирающаяся на геоморфологию, геологию коренных пород и четвертичную геологию. В то время новейшая тектоника по существу только формировалась, готовых методик и руководств не было, перед исследователями в этой области стояли исключительно трудные задачи, тем более в горных районах. Без преувеличения можно сказать, что в создании неотектоники Памира и Тянь-Шаня О.К. Чедия сыграл ту же ведущую роль, что С.С. Шульц для Центрального Тянь-Шаня. Оба исследователя в дальнейшем стали в этой области метрами одного уровня.

Очень важно, что работая в Таджикском университете, О.К. Чедия сумел увлечь молодых способных людей и организовать группу сначала энтузиастов, а затем и возмужавших под его руководством специалистов, тесно спаянных общими устремлениями и научной идеологией (А.К. Трофимов, В.В. Лоскутов, В.А. Васильев и др.). Многолетний упорный и полный опасностей и лишений труд завершился созданием карты неотектоники территории Таджикистана в масштабе 1:500000, труда в то время поистине

выдающегося. Нет необходимости говорить о крупной серии статей по обширному кругу вопросов. Сам Олег Константинович завершил этот цикл двухтомной книгой "Юг Средней Азии в новейшую эпоху горообразования" (Фрунзе, 1971–1972).

Хотя в 50–60-е гг. в советской геологии и неотектонике безраздельно господствовал "вертикализм", это не помешало О.К. Чедия не только замечать, но и исследовать признаки крупных горизонтальных перемещений. Одна из его публикаций специально посвящена шарьжу в Дарвазе. Тогда это была почти крамола.

Базовый труд О.К. Чедия по югу Средней Азии применительно к этому району в дальнейшем так и не был превзойден. Теперь ясно, что не будет превзойден и в последующие лет пятьдесят. Сам же Олег Константинович пошел значительно дальше. Переехав в Киргизию вместе с верным соратником А.К. Трофимовым, на базе прежнего опыта и новых методических разработок и идей, он шаг за шагом и по существу заново стал разрабатывать региональные вопросы неотектоники и сейсмотектоники. Последняя все более и более увлекала Олега Константиновича, так что не случайно созданная им во Фрунзе (нынешнем Бишкеке) в Геологическом институте лаборатория затем перешла в Институт сейсмологии Академии наук Киргизии.

Именно благодаря высоким научным достижениям и кипучей деятельности О.К. Чедия удалось провести во Фрунзе Пленум Геоморфологической комиссии с полевыми экскурсиями в Прииссыккулье, а позднее и сейсмологическую конференцию с упором на сейсмотектонику на самом оз. Иссык-Куль.

В Киргизии Олег Константинович, уже во второй половине своей творческой жизни, с новым рвением взялся не просто за организацию лаборатории, но за создание местной научной школы. И это ему удалось: он научил, воспитал, ввел в науку и "в люди" несколько молодых исследователей, которые плодотворно работают и продолжают его дело. Когда в 80-е годы и позднее в республиках (затем государствах) Средней Азии заметно снизилась активность научной работы, а геология и сейсмотектоника вообще сошли до минимума, в Киргизии эти исследования продолжались и развивались. Один за другим выходили научные сборники, ученики О.К. Чедия защищали диссертации, возникали и укреплялись контакты с зарубежными коллегами, организовывались совместные экспедиции. Мотором и мозгом, несомненно, был Олег Константинович. Несмотря на повторяющиеся сердечные приступы и потерю главного сподвижника – А.К. Трофимова, Олег Константинович продолжал работать с прежним упорством. Снова выходят его книги и вдохновляемые и редактируемые им сборники.

С его самым непосредственным участием готовится и выпускается "Карта сейсмического районирования Киргизской республики". Последним крупным научным предприятием О.К. Чедия стало его участие в новой "Карте новейшей тектоники Северной Евразии", вышедшей под ред. А.Ф. Грачева в 1998 г. В ней О.К. Чедия принадлежит макет всего Среднеазиатского региона. Соответствующая монография с его участием выйдет уже после его смерти.

В последние годы Олег Константинович увлекся и сумел увлечь учеников проблемами палеосейсмологии – выявления и расшифровки древних сильных землетрясений по оставленным ими следам на поверхности и в четвертичных отложениях. Увидели свет его с коллегами статьи на русском и английских языках. Олега Константиновича нет, но эти статьи еще будут выходить и выходить.

Заслуженный фронтовик, кавалер нескольких орденов и медалей, профессор, доктор наук, заслуженный деятель науки и техники Киргизстана, он никогда этим не кичился и не стремился к занятию руководящих постов. Много лет назад он передал заведование ученику, но до самого конца оставался подлинным научным руководителем направления.

Преданный избранному научному пути, ценностям духовным, он всегда был ровным, благожелательным, уважительным к коллегам, веселым рассказчиком, главой застолья, интересным собеседником и надежным товарищем. Те, кто знал Олега Константиновича ближе, не уставали удивляться, а к концу его жизни и восхищаться разнообразием его умений и интересов. Он писал маслом пейзажи, был заядлым охотником, страстным рыболовом, увлеченным садоводом. Он вообще все делал с увлечением и результативно.

Ничто человеческое не было ему чуждо. Человеческое не столько в повседневном, сколько в высоком смысле. И потому останется он в памяти коллег, соратников, учеников и продолжателей не только как метр, крупный ученый и учитель, но и как простой, приятный, достойный уважения и симпатий человек.

Труды же его, несомненно, войдут в XXI в. и будут там востребованы долго.

Олег Константинович ушел полный жизненной и творческой энергии, замыслов, в процессе освоения перспективного направления исследований. Он всю жизнь был на коне, с выпрямленной спиной и гордо поднятой головой, в стремлении вперед и вверх.

Таким он и остался.

Коллеги, соратники, друзья